

Наталья Эстемирова - о Чечне

Это интервью с Натальей Эстемировой было записано в 2008 году, но до сих пор нигде не опубликовано.

- Я родилась на Урале, приехала в Чечню, когда мне было 19 лет, потому что мой отец чеченец, а мама русская. Взаимоотношения народов внутри республики были не всегда однозначными. Я могу определенно судить, что среди русскоязычного населения было немножко пренебрежительное отношение к чеченцам.

Проблема нынешнего времени в том, что тогда многие чеченцы были вынуждены подавлять свое национальное, чтобы сохранять хорошие отношения. В конце концов это дало такой взрыв. У меня две национальности, и мне не раз приходилось делать замечания русским, которые говорили: «Наташа, мы тебя за чеченку не считаем». Я говорила: «Нет, я чеченка». В то же время мне приходилось обрывать чеченцев, которые плохо отзывались о русских.

1991–1994. ПЕРИОД ДУДАЕВА

Я согласна с тем, что сказал Хасбулатов: Россия потеряла моральное право на Чечню. Но наша независимость фактически была провалена в 1991 году. Мне вспоминаются огромные толпы людей, которые раньше были шабашниками, низами общества, а тут почувствовали себя на коне и стремились унижить других.

Моя оценка Дудаева не изменилась, я видела, что этот человек принесет беду республике. Так оно и произошло. Я понимала, что независимость не завоевывается, а строится. Если коротко охарактеризовать тот период - это был бардак. Люди были дезориентированы, они стали злее, равнодушнее.

Интеллигенция абсолютно не поддерживала то, что происходило в республике, в то же время многие мои родственники поддерживали Дудаева. Мы много спорили, но не доходили до открытой ссоры, наши родственные отношения не прервались из-за каких-то политических разногласий. Преобладало разочарование.

Законность как таковая рухнула, соблюдение законов со стороны государства и охрана граждан были практически сведены к нулю. Но тогда выросла сила обычаев, которые помогали держать общество, не позволяли преступникам разгуляться.

Опасаться за свою жизнь, конечно, стоило. Я, например, слышала тогда в Чечне: «Убирайся в свою Россию!», а в России, когда приезжала к маме, слышала: «Убирайся в свою Чечню!».

1994–1996. ПЕРВАЯ ВОЙНА

Я уехала из Чечни в октябре 1993 года. Хотела, чтобы мой ребенок родился [в нормальных условиях]. Вернулась через два года. Я, конечно, была в абсолютном возмущении: как можно было ввести войска! Восприняла это как личную трагедию.

Самым главным тогда было прожить это время, как-то выжить там, сохранить школу, детей, которые еще оставались, сохранить возможность преподавать. Было тяжело. Мы жили в однокомнатной квартире на первом этаже, где ни решеток не было, ничего. И отец [моей дочери] сказал: «Может, дать тебе гранату игольчатую, если кто-то полезет ночью, чтобы ты могла защититься?» Я сказала, что не решусь эту гранату взорвать, так что лучше не надо. Наверное, какой-то милостью Божьей мы были хранимы и остались живы.

Действиям федеральных властей нет никакого оправдания. Теперь уже этой жертвой была моя родина. И я уверена, что сопротивление первой войны было полностью оправдано. Население поддерживало боевиков во время военных действий, то есть до 1995 года. А потом уже все хотели мира.

1996–1999. ПЕРИОД МАСХАДОВА

Закончилась война, и это было, пожалуй, самое лучшее время. Люди пережили такую опасность, остались

живы, был такой подъем, что все буквально влюблялись друг в друга.

Но очень быстро пришло разочарование. Все стало меняться, и полезла вся нечисть. Пенсий не было, зарплаты не было, и не было серьезной работы, чтобы это все организовать.

Я по-прежнему работала в школе, достатка не было никакого. Я зарабатывала частными уроками, шила плиссированные юбки. Были моменты отчаяния. У меня было все рассчитано: девочка в день должна обязательно съесть одно яйцо, морковку, кашку. Конечно же, я боялась голода, боялась, что кто-то ворвется - рост преступности был сильнейший. Я все время боялась.

В общественной жизни наступил полный мрак, все больше сворачивалась демократия, наступала преступность, законы перестали действовать - сначала светские, потом народные обычаи. И тогда появился род преступности, которого до этого не было в Чечне, - похищение людей. При Дудаеве такого вида преступлений не было - его переняли у федералов, которые торговали и живыми, и мертвыми. Это они открыли эти клапаны, показали, что это можно, сорвали табу с такого вида преступлений. Я начала заниматься проблемами тех, кто прошел через фильтры. Мне это однозначно напомнило ситуацию с теми, кто возвращался из фашистских лагерей.

На положение дел в Чечне в тот период Масхадов, конечно, уже не влиял. Очень сильно влияли Басаев, Радуев, Бараев. Тогда началось введение шариата, Шуры и т.д. И было понятно, что им, собственно говоря, наплевать на религиозную часть этого дела, им важно таким образом установить свою власть. В 1996–1999 годах Чеченская Республика была не частью России и не отдельным государством. Чечня была ямой.

1999–2003. ВТОРАЯ ВОЙНА

Я понимала, что не хочу во второй раз под бомбежки, что мне с ребенком нужно бежать. Но денег не было. И вдруг моя соседка Сацита говорит: «Наташа, бери 500 рублей». Хотя и не надеялась, что я их когда-нибудь отдам. На эти деньги я и выехала. Дочке было пять лет, и я впервые учила ее врать, потому что для ребенка с пяти лет надо было брать билет. Я просила ее говорить, что ей еще нет пяти.

Обидно, что я никогда не могла свободно любить свою дочь, я все время за нее боялась. То, что я стала правозащитником, это тоже, мне кажется, материнское чувство, просто мне было так жалко этих людей, которые прошли через фильтры, было такое возмущение тем, что происходит.

Я помню, как вошла в [Новые] Алды 20 марта 2000 года, это было абсолютно мертвое село. Нами было установлено 47 жертв, но их, конечно, было больше. Контрактники шли и убивали всех подряд. И спустя полтора месяца после этого люди были в шоке, со мной разговаривали только шепотом. Самые страшные впечатления от Алдов - кровавые тряпки, которые развешивает женщина, оставшиеся после ее убитого мужа.

Перезахоронение, которое было при мне... Мужчина выкапывает труп своего брата. У него все лицо мокрое, и он копает, копает. Потом он вылезает, садится на корточки, голову обхватывает руками. Потом перенесли эти трупы, уже сильно разложившиеся, в один дом. Я вообще к трупу раньше не подходила, а тут они в таком жутком состоянии, и мне нужно фотографировать для документации. Я была в каком-то оцепенении.

Я, пожалуй, могу сказать, что стала злее, неуступчивее. Мне приходилось себе задавать вопрос: не стала ли я чем-то вроде папарацци, которым обязательно поймать сенсацию. Я думала, что самое главное, чтобы [ничего] не осталось незамеченным, чтобы не было забыто.

2003–2009. ПЕРИОД ВОССТАНОВЛЕНИЯ

Когда сказали, что [Ахмат] Кадыров решил стать [президентом], казалось, что это хорошо - все-таки чеченец, он позаботится. Очень скоро поняли, что никакой заботы с его стороны нет. Сейчас не изменилась оценка, только проблема стала глубже. Его сын, который теперь сажает республику в глубочайшую яму, - это продолжение той беды, которую он нес.

Прекратились бомбежки, начались массовые зачистки. Потом начались адресные зачистки, исчезновения, похищения людей, проблемы пыток. Это и с 2000 года было, но потом стало больше.

Я хотела, чтобы все это кончилось, чтобы можно было спокойно жить. За последние пять лет изменяется только то, что дочь растет. Я любила свою профессию учителя, но теперь чувствую, что [моя новая работа] здесь просто нужна. Этот период, последние 17–20 лет жизни, я очень трудно жила, но думаю, что кому-то помогла выжить. И это для меня самое главное.

В республике сейчас авторитарный, криминальный и очень коррумпированный режим. Люди видят скорейшее решение своих вопросов не в нормальном процессе, который должен быть, когда ты нуждаешься в жилье и нормально обращаешься [в обществе]. Все эти вопросы нужно [адресовать] к Рамзану, Рамзан решит, что бы то ни было. Криминальный это режим потому, что человек сейчас не может найти защиты от преступления.

Очень изменилась психология, мораль. Стало много лицемерия, ханжества, трусости. Получилось так, что люди, которые несли в себе лучшие черты, погибли, их больше нет. Выжили только те, кто стремился выжить. Если говорить о психологии ужа и сокола, то сейчас преобладает приспособленческая психология ужа.

Чтобы Чеченская Республика смогла гармонично развиваться в политико-правовом и экономическом пространстве России, надо, чтобы изменилось руководство России в корне.

Я знаю, что нас ждет жестокий кризис. Сейчас есть предпосылки для возобновления военных действий. Слишком много оружия и слишком мало мозгов к нему прилагается.

Автор: Артур Скальский © Русский Newsweek СТРАНА, МИР 👁 4607 22.07.2009, 14:35 📄 169

URL: <https://babr24.com/?ADE=79595> Bytes: 8721 / 8710 Версия для печати

 [Порекомендовать текст](#)

Поделиться в соцсетях:

Также читайте эксклюзивную информацию в соцсетях:

- [Телеграм](#)

- [ВКонтакте](#)

Связаться с редакцией Бабра:

newsbabr@gmail.com

Автор текста: **Артур
Скальский.**

НАПИСАТЬ ГЛАВРЕДУ:

Телеграм: [@babr24_link_bot](#)

Эл.почта: newsbabr@gmail.com

ЗАКАЗАТЬ РАССЛЕДОВАНИЕ:

эл.почта: bratska.net.net@gmail.com

КОНТАКТЫ

Бурятия и Монголия: Станислав Цырь

Телеграм: [@bur24_link_bot](#)

эл.почта: bur.babr@gmail.com

Иркутск: Анастасия Суворова

Телеграм: [@irk24_link_bot](#)

эл.почта: irkbabr24@gmail.com

Красноярск: Ирина Манская

Телеграм: [@kras24_link_bot](#)

эл.почта: krasyar.babr@gmail.com

Новосибирск: Алина Обская

Телеграм: [@nsk24_link_bot](#)

эл.почта: nsk.babr@gmail.com

Томск: Николай Ушайкин

Телеграм: @tomsk24_link_bot
эл.почта: tomsk.babr@gmail.com

[Прислать свою новость](#)

ЗАКАЗАТЬ РАЗМЕЩЕНИЕ:

Рекламная группа "Экватор"

Телеграм: @babrobot_bot

эл.почта: eqquatoria@gmail.com

СТРАТЕГИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО:

эл.почта: babrmarket@gmail.com

[Подробнее о размещении](#)

[Отказ от ответственности](#)

[Правила перепечаток](#)

[Соглашение о франчайзинге](#)

[Что такое Бабр24](#)

[Вакансии](#)

[Статистика сайта](#)

[Архив](#)

[Календарь](#)

[Зеркала сайта](#)